

ДНЕВНИКИ
СОВРЕМЕННЫХ
ЭКСПЕДИЦИЙ

ЯПЪЯН ЗЕБЕРГ

В ледовитое море

*Поиски следов Баренца на Новой Земле
в российско-голландских экспедициях
с 1991 по 2000 годы*

Под научной редакцией
Дениса Хотимского

Paulsen

Путешествие в историю параллельным курсом

ПРЕДИСЛОВИЕ
НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

До сегодняшнего дня я ни разу не встречался с Япьяном Зебергом. На его книгу *Into the Ice Sea* («В ледовитое море») я наткнулся весной 2020 года, работая над статьей об эффекте Новой Земли для журнала «Наука и жизнь» (см. № 6, 2020). Редакция журнала попросила меня найти портреты главных действующих лиц той истории: Виллема Баренца и Геррита де Вейра. В тот момент я знал наверняка, что известный портрет Баренца – это новодел XIX века, и был уверен, что портретов де Вейра не сохранилось вовсе. Однако в одном из подстрочных примечаний в книге Япьяна утверждалось, что в Историческом музее Амстердама хранится групповой портрет, написанный в 1599 году, на котором изображены Баренц и де Вейр. И я недолго думая написал автору с просьбой уточнить источник его сведений. Так завязалась наша переписка.

И еще я внимательно погрузился в «Ледовитое море». На первый взгляд могло показаться, что это обычный экспедиционный дневник, рассчитанный на западного читателя, – рассказ об экзотических местах и необычных людях. Но я взглянул на него с другой точки зрения: знакомые события, знакомые места, имена, которые давно на слуху – в том числе в совершенно ином контексте, чем в книге, – но увиденные автором с необычного ракурса, совмещающего взгляд изнутри и взгляд со стороны одновременно. И мне подумалось, как бы было здорово, если бы его голос зазвучал по-русски. Я глубоко благодарен издательству Паулсен и его генеральному директору Раисе Яковлевне Неягловой-Колосовой за поддержку этого необычного начинания.

Сегодня, почти ровно год и 580 электронных сообщений спустя, перед вами – результат нашей работы. Книга не только переведена, но существенно переработана, дополнена и отредактирована научным редактором.

Автор книги – специалист в области геотехнологий и наук о Земле, тема его диссертации, защищенной в университете Иллинойса в Чикаго (UIC): «Климат и гляциологическая история архипелага Новая Земля». Еще он – человек, искренне увлеченный историей Нидерландов и внимательно относящийся к истории России.

Япьян Зеберг несколько раз бывал в нашей стране, причем география его российских поездок: Новая Земля, Воркута, Лабитнанги, Диксон – для большинства наших соотечественников лежит дальше самого дальнего зарубежья.

Сюжет книги Япьяна Зеберга непривычен. Действие разворачиваются в двух исторических параллелях: с одной стороны, это события недавнего прошлого – новоземельские экспедиции 1991, 1995, 1998, 2000 годов, многие участники и свидетели которых – наши современники, живущие как в России, так и в Нидерландах, а с другой стороны – события, случившиеся более четырех веков назад и положившие начало тому тесному переплетению фактов, историй, документов и лиц, что крепко-накрепко связало наши две страны.

В своей редакторской роли я оказался в уникальном положении – мне достаточно было написать электронное письмо или позвонить по телефону, чтобы поговорить с героем событий – участником исторических экспедиций. Но этим дело не исчерпывалось. Когда работаешь с текстами, картами, документами, порой случается, что из нагромождения дат и фактов (а также и мифов) вдруг проступает фигура человека с его обстоятельствами, сомнениями, решениями и находками, связывающая ряд событий в одно логическое целое, и тебе трудно отделаться от впечатления, что и с этим человеком, жившим столетия назад, у тебя состоялся прямой и откровенный разговор.

Что же касается портрета, с которого завязались наши отношения с автором, то изображен на нём не Баренц – в 1599 году его уже два года как не было в живых. Рядом с Герритом де Вейром – а это несомненно он! – стоит Корнелис Клас, амстердамский издатель морской литературы. Анализ портрета и идентификация изображенных на нём людей были выполнены более 130 лет назад (J. Six. Cornelis

Рота капитана Яна де Бисхопа и прапорщика Питера Эгбертса Финка. Групповой портрет стрелков гражданского ополчения, написанный Артом Питерсом в Амстердаме в 1599 году. Фрагмент с изображением Геррита де Вейра и Корнелиса Класа. Квартблок (2020), на котором отретушированное изображение Корнелиса Класа представлено в качестве портрета «Вилли Баренца». Из коллекции Дениса Хотимского

van der Voort. Een eerste poging tot het terugvinden van zijn werk als portretschilder. – *Oud Holland*. Vol. 5. 1887). Любопытно, что безжалостно отретушированный (от Геррита де Вейра остался лишь рукав) и лишенный своих корней (то есть ссылки на имя живописца, название картины и место ее хранения), портрет этот был какое-то время назад запущен в сеть как портрет Баренца. А в 2020 году попал даже в этой роли на специальную марку, выпущенную в Баренцбурге.

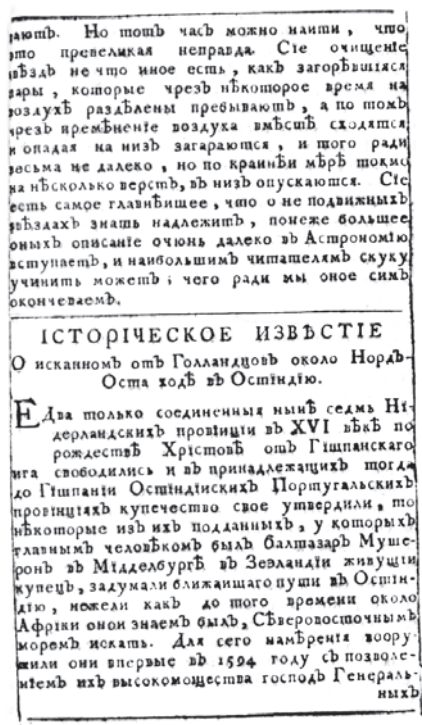
СООБЩЕНИЯ О НИДЕРЛАНДСКИХ АРКТИЧЕСКИХ ПЛАВАНИЯХ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

По-видимому, самыми ранними сообщениями о нидерландских полярных плаваниях на русском языке стали две короткие анонимные заметки, опубликованные в академических Календарях за 1734 и 1735 годы*. В первой из них представлены события плавания Виллема Баренца к северной оконечности Новой Земли в 1594 году (достижения южной экспедиционной партии в составе зеландского и энкхаузенского кораблей никак не отражены). В основе текста лежит, очевидно, «Дневник» де Вейра, причем, судя по транслитерации топонимов, был использован какой-то его немецкий перевод. Вторая заметка содержит краткое сообщение об экспедиции 1595 года. Транслитерация топонимов (Крейць-Эккь, Цвисть-Эккь) и некоторые детали повествования (два мертвых кита на берегу залива) указывают на то, что перевод был сделан с сокращенной адаптации нюрнбергского издания.

Первое полное сообщение о нидерландских арктических экспедициях на русском языке было опубликовано в 1738 году в пяти последовательных выпусках Примечаний на Санктпетербургские ведомости под названием «О мореплавании в север». Его составителем был академик Петербургской Академии наук Христиан-Николай фон

* (а) Историческое известие о исканном от Голландцов около Норд-Оста ходе в Остиндию // Календарь или Месяцослов на лето от Рождества Христова 1734, которое есть простое лето, содержащее 365 дней, сочиненный на знатнейшия места Российскаго Государства. – В Санктпетербурге. При Императорской Академии наук. 1734. – 8 с.

(б) Краткое известие о втором от Голландцов около Норд-Оста исканном ходе в Остиндию // Календарь или Месяцослов исторический на лето от Рождества Христова 1735, которое есть простое лето, содержащее 365 дней, сочиненный на знатнейшия места Российскаго Государства – В Санктпетербурге. При Императорской Академии наук. 1735. – 6 с. Здесь и далее все сноски без указания авторства принадлежат научному редактору книги Денису Хотимскому.

Титульный лист и заглавная страница первого опубликованного на русском языке сообщения о нидерландских арктических плаваниях. Календарь-месяцеслов. 1734. Из коллекции Дениса Хотимского

Вингейм (1694–1751). По признанию автора, в основу сообщения было положено «краткое известие, которое взято из Атласа, сочиненнаго чрез Амстердамскаго бургомистра Николая Витсена»*. В нём же, в свою очередь, был использован как «Дневник» де Вейра, так и отчет Линсхотена. Описанию собственно плаваний предпослан исторический очерк, объясняющий источники интереса к поиску северного пути в Азию. В части, посвященной первой экспедиции 1594 года, изложены действия как северной (Виллем Баренц), так и южной (Корнелис Най) экспедиционных партий. Кроме того, по-видимому, впервые

* О мореплавании в север // Примечаний на Ведомости части 22, 23, 24, 25 и 26. В С.-Петербурге при Императорской Академии Наук. 1738. С. 85–107.

[93]
примѣчаній
 на
ВѢДОМОСТИ
ЧАСТЬ 24.

въ САНКТПЕТЕРБУРГѢ МАРТА 23 ДНЯ, 1738 ГОДА.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВТОРОЕ

О

МОРЕПЛАВАНІИ ВЪ СѢВЕРѢ.

Яковъ Геескеръ, и Гавльсамъ Баренцъ, отправились съ своими судами подъ 72 градусъ, или, по ихъ счисленію думали они, что были прямо противъ мыса Канденосъ, откуда побѣжали они къ новой землѣ, которую увидали 17 Июля. 19 дня прибыли они къ острову Крюкъ, лежащему подъ 76 градусомъ 20 минутами. Но какъ они не могли ѣхать далѣе ради льду; то они принуждены были стать тамъ на якорь. И хотя 4 Августа оставили они то мѣсто; однако принуждены были 7 го дня, тогожъ мѣсяца причалить свое судно, къ одной льдинѣ ужасныя величины: ибо въ водѣ ея было глубиною на 36 сажень, а сверхъ воды на 16. 15 дня, прибыли они къ Орнскому острову, гдѣ такъ ихъ ледъ окружилъ, что они едина не
 у поше-

Заглавный лист «Примечаний на Вѣдомости» от 23 марта 1738 года с сообщением о третьем плавании Виллема Баренца и Якоба ван Хеймскерка. Музей книги Российской государственной библиотеки

на русском языке увидело свет известие об экспедиции 1596–1597 годов и о зимовке Баренца на Новой Земле.

Когда в 1788–1789 годах Василий Васильевич Крестинин (1729–1795), архангелогородский гражданин и историк-краевед, опубликовал свое описание Новой Земли, составленное по рассказам поморов-промышленников*, единственным доступным ему историческим

* Крестинин, В. В. Географическое известие о Новой земле полунощнаго края // Новая ежемесячныя сочинения. 1788. – Ч. 19. С. 3–46.

Крестинин, В. В. Прибавление первое к географическому известію о Новой земле полунощнаго края // Новая ежемесячныя сочинения. 1789. – Ч. 31. С. 3–49.

Крестинин, В. В. Прибавление второе к географическому известію о Новой земле полунощнаго края // Новая ежемесячныя сочинения. 1789. – Ч. 31. С. 49–78.

источником было сообщение фон Винсгейма. «По старинному преданию Мезенцов, – писал В. В. Крестинин о мысе Спорый Наволок, – на сем месте некогда зимовали Голландцы. Надлежит сие приключение, по Истории о мореплавании в север Англичан и Голландцов, отнести к 1596 году»*.

В 1792 году Географическим департаментом правительства был издан «Российский атлас», пришедший на смену академическому атласу 1745 года. Составлением атласа, который призван был отразить новое административное устройство империи, разделенной на губернии и наместничества, руководил математик, географ и астроном Александр Михайлович Вильбрехт (1757–1823). Близ северной оконечности Новой Земли, изображенной на карте Тобольского наместничества, была помещена легенда: «Здесь перезимовали Голанские Корабли в 1596 году». На более ранних российских атласах – Ивана Кириллова 1734 года и Жозефа Николя Делиля 1745 года – упоминаний о новоземельской зимовке не было.

В 1819 году Василий Николаевич Берх (1781–1834), морской офицер и историк флота, подготовил к печати книгу об истории географических открытий россиян, но опубликовать смог лишь отдельные фрагменты. В одном из таких фрагментов он рассказывает в том числе и о третьем плавании Баренца, открытии им Шпицбергена, зимовке на Новой Земле, а также о смерти «самого искусного из всех ранних путешественников» при возвращении зимовщиков в Колу**.

Также перу В. Н. Берха принадлежит двухтомное сочинение под названием «Хронологическая история всех путешествий в северные полярные страны», первый том которого, вышедший в 1821 году, содержит более подробный рассказ обо всей нидерландской арктической эпопее, в особенности – о событиях первой и третьей экспедиций. Изложение основано как на «Дневнике» де Вейра, так и на отчете Линсхотена***.

Любопытно, что и Х. Н. Винсгейм, и В. Н. Берх подчеркивают преждевременное наблюдение солнца зимовщиками на Новой Земле 24

* Крестинин, В. В. Прибавление первое. С. 10.

** Берх, В. Н. Прибытие Англичан в Ледовитое море, обретение Новой Земли и островов Шпицбергенских // Сын Отечества. 1819. Часть 54. Книга № XXV. С. 239–262.

*** Берх, В. Н. Хронологическая история всех путешествий в северные полярные страны, с присовокуплением обозрения физических свойств того края. Часть Первая. Санкт-Петербург: В военной типографии Главнаго Штаба. 1821. С. 28–41.

января 1597 года, хотя попыток объяснить это явление ни тот ни другой не предпринимают.

В 1821–1824 годах будущий адмирал и президент Академии наук, а в то время – капитан-лейтенант флота Федор Петрович Литке (1797–1882) возглавлял ежегодные научные экспедиции в Белое море и к берегам Новой Земли. Результатом плаваний стала вышедшая в 1828 году книга «Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан»*. Начиная свой труд с исторического обзора, Литке посвящает более тридцати страниц подробному изложению истории нидерландских арктических плаваний, привлекая для этой цели работы как де Вейра, так и Линсхотена, и делая особый упор на истории новоземельской зимовки. При этом он замечает, что «из всех случаев, повстречавшихся Голландцам, наибольшего внимания заслуживает раннее появление солнца», и подробно разбирает свидетельства де Вейра, включая его сообщение о наблюдении зимовщиками соединения Юпитера и Луны.

Читателю может показаться, что информация о нидерландской арктической эпопее 1594–1597 годов в России была общедоступной, хотя на самом деле она была практически исключена из научного оборота или по меньшей мере оставалась малоизвестной. Во всяком случае, в 1936 году при подготовке первого полного издания «Дневника» де Вейра на русском языке (речь об этом издании ниже) его переводчик профессор Александр Иустинович Малеин (1869–1938), по-видимому, не был знаком ни с одним из них. По его мнению, «впечатление от путешествий голландцев отразилось наконец и в России» лишь в 1895 году, когда историк-архивист Сергей Алексеевич Белокуров (1862–1918) опубликовал в журнале «Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских» трехстраничный текст относящийся предположительно к 1598 году. Происхождение, палеографическое описание и место хранения рукописи остались невыясненными.

* Литке, Ф. П. Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан, совершенное по повелению императора Александра I, на военном бриге «Новая Земля» в 1821, 1822, 1823 и 1824 годах флота капитан-лейтенантом Федором Литке – Санктпетербург: В Морской типографии 1828. – 2 т.
Второе издание: Литке, Ф. П. Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военном бриге «Новая Земля». – М.-Л., 1948. – 334 с.

В 1915 году в двух последовательных выпусках «Записок по Гидрографии» был опубликован перевод «Плаваний на север» Яна Хёйгена ван Линсхотена, выполненный баронессой О. М. Дризен*. Хотя текст, описывающий события первых двух арктических экспедиций 1594 и 1595 годов, был значительно сокращен по сравнению с оригиналом, на сегодняшний день это наиболее полный вариант книги Линсхотена, доступный на русском языке.

Первое полное издание книги Геррита де Вейра на русском языке вышло в 1936 году в переводе с латинского языка, выполненном Александром Иустиновичем Малеиным под редакцией известного полярника Владимира Юльевича Визе (1886–1954)**.

Сравнительно недавно, в 2011 году, вышел еще один перевод, уже со староголландского языка, выполненный Ириной Михайловной Михайловой под общей редакцией Петра Владимировича Боярского***. В книгу вошли дополнительные исследовательские материалы, добытые археологическими экспедициями 1993 и 1995 годов, а также перевод на русский язык избранных фрагментов из книги Яна Хёйгена ван Линсхотена, относящиеся к июлю – августу 1594 года.

ИМЯ АВТОРА ПОЛЯРНОГО ДНЕВНИКА И *HET BEHOUDEN HUYS*

В книге, которую вы держите в руках, цитируются записки о трех плаваниях Виллема Баренца, написанные Герритом де Вейром. Приходится признать, что такое написание его имени по-русски пока еще не является устоявшимся. Перевод А. И. Малеина 1936 года называет его Геррит де-Фер. В последующие годы можно встретить также варианты Геррит де Веер и Геррит де Вер. В издании 2011 года он предстает как Херрит де Вейр. Что касается фамильного имени, то мы следуем образцу 2011 году, соглашаясь, что де Вейр – наиболее обоснованный фонетически и исторически вариант его русского написания. В написании собственного имени мы отдали предпочтение

* Нидерландские экспедиции к северным берегам России в 1594–1595 гг. // Записки по Гидрографии, издаваемые Главным гидрографическим управлением. Петроград. – 1915. Том XXXIX. Выпуск 3. С. 480–506. Том XXXIX. Выпуск 4. С. 570–584.

** Де-Фер, Г. Плавание Баренца (*Diarium Nauticum*) 1594–1597. Л.: Изд. Главсевморпути, 1936.

*** Де Вейр, Х. Арктические плавания Виллема Баренца 1594–1597 гг. М.: Рубежи XXI, 2011.

варианту «Геррит», чтобы различить имена, начинающиеся с букв G и H (как у героев книги – Jacob van Heemskerck или Henk van Veen).

Построенное на Новой Земле жилище, в котором нидерландские моряки под началом Виллема Баренца и Якоба ван Хеймскерка провели зиму 1596–1597 годов, известно во всём мире как *Het Behouden Huys*. Василий Берх и Федор Литке называют его хижинкой (последний, если быть точным, – хижинкой). Б. В. Милорадович в 1933 году – избою. Владимир Визе в своем предисловии к изданию 1936 года – домом. Петр Боярский в 2011 году – приютом, хотя в исследовательских материалах этого издания выражение оставлено без перевода. Виктор Державин – зимовьем и Ледяной Гаванью. Вадим Старков – зимовочным домом. В последние годы некоторые авторы стали переводить выражение *Het Behouden Huys* как «Дом спасения», подчеркивая при этом, что это название дали дому при постройке сами голландские моряки.

Действительно, «дом спасения» – подходящее название для убежища, построенного на незнакомом берегу для защиты от морозов и пург. Но оно вовсе не эквивалентно оригинальному нидерландскому выражению. Назвать построенный ими дом *Het Behouden Huys* зимовщички не посмели. Сколько бы мы ни искали, мы не найдем этих слов в «Дневнике» де Вейра. Нидерландские моряки называли свое жилище просто – дом (*huys*, что произносится как «хаус»). Впервые выражение *Het Behouden Huys* появляется лишь на картах Баренца и де Вейра, напечатанных и опубликованных весной 1598 года, через несколько месяцев после возвращения выживших участников зимовки в Амстердам.

Обратим внимание на толкование, данное Ириной Михайловой в книге 2011 года: «В переводе с нидерландского «Охраняемый, спасаемый дом» [подразумевается: Господом Богом]. Так, с кальвинистским оттенком, стали называть дом, в котором перезимовали голландцы на Новой Земле, после выхода в свет книги Херрита де Вейра». [Де Вейр, 2011. С. 215].

Чтобы назвать зимовье *Het Behouden Huys*, недостаточно построить его. Нужно пережить в нём жестокую зиму, сохраняя твердость духа и веру в свои силы, поддерживая вахтенную дисциплину и друг друга, затем – собрать и упаковать вещи, запереть дверь и вернуться домой тысячемильным морским переходом в открытых лодках, имея, быть может, один шанс на спасение из тысячи. И лишь потом, оглянув-

Зимовье Хеймскерка (Hybernatio Hemskirchis. A. 1596) на карте Йоганна Баптиста Хоманна «Generalis Totius Imperii Moscovitici Novissima Tab». Нюрнберг. Печатная доска в состоянии 1710 г. Публикуется с любезного разрешения Барри Рудермана (Сан-Диего)

шись назад, можно поразиться достигнутому и осознать – должно быть, всё это время кто-то держал над тобой свою простертую десницу.

Вот поэтому в нашем переводе выражение *Het Behouden Huys* передано как «Благохранимый дом» (впервые этот перевод был использован в журнале «Наука и жизнь», № 6, 2020). Кому-то это название может показаться излишне высокопарным. Мол, подумаешь, Новая Земля... Это далеко, холодно и к тому же радиоактивно, а потому что-то кем-то построенное там много столетий назад никакой пышности не заслуживает. Однако давайте задумаемся на минуту. *Het*

Behouden Huys – **единственная в истории человечества** отдельно стоящая постройка, которую, презрев жесткие каноны картографической генерализации, космографы всего мира изображали и подписывали на своих картах вне зависимости от их масштаба! Тогда как, скажем, Москва, Лондон или Амстердам удостаивались лишь кружочка.

ТРЕТЬЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

Рассказывая в главах 12 и 13 о событиях экспедиции 1595 года, Япьян Зеберг отмечает в отношении ряда драматических эпизодов (столкновение кораблей, протаскивание под килем виновных в воровстве, казнь бунтовщиков), что их описание вместе с иллюстрациями присутствует лишь в нюрнбергском издании *Дневника* [Hulsius 1598]. В русские переводы 1936 и 2011 годов, в основе которых лежали оригинальные тексты, изданные Корнелисом Класом в Амстердаме в 1598 году, эти эпизоды также не вошли.

Впервые на эту особенность немецкого издания обратил внимание в 1853 году Чарльз Тилстон Бик. Возмущенный использованием имени де Вейра в отношении не принадлежащего ему текста, Ч. Т. Бик не поспешил на критические слова в адрес нюрнбергского издателя: «непозволительная вольность», «не заслуживает доверия», «обман публики» и проч. Лишь на рубеже 1920-х годов Комбертус Питер Бургер-младший (1858–1936), служивший в течение четверти века библиотекарем Амстердамского университета, смог пролить свет на источник различия в текстах. В том же 1598 году, когда была опубликована написанная по горячим следам книга де Вейра, в Кёльне на немецком языке вышел сборник морских историй под названием *Meer oder Seehanen Buch*, составителем которого значился Конрад Лёв (Conrad Löw). В состав сборника входило анонимное сообщение о втором нидерландском арктическом плавании 1595 года. По содержанию это сообщение отличалось от описаний Линсхотена и де Вейра и при этом содержало детали, совпадающие с добавлениями, сделанными в немецком издании.

Готовя к публикации «Дневник» де Вейра в 1936 году, Владимир Юльевич Визе располагал как комментариями Ч. Т. Бика, так и копией сочинения Конрада Лёва (чего у Бика в 1853 году не было). Хотя В. Ю. Визе и счел «небезынтересным» процитировать два разверну-

тых фрагмента из этой книги, он автоматически распространил на нее предостережение, вынесенное Чарльзом Биком в отношении нюрнбергского издания: «Достоверность некоторых добавлений, имеющих в книге Хульсиуса, поставлена Б. Беке (sic), редактором английского издания Де-Фера (1853), под большое сомнение. С еще большей осторожностью следует отнести к указанной книге Конрада Лёв» [С. 11]. Тем самым В. Ю. Визе фактически вынес этой книге приговор, оспорить который никто, видимо, и не пытался. Между тем дело обстоит ровно наоборот!

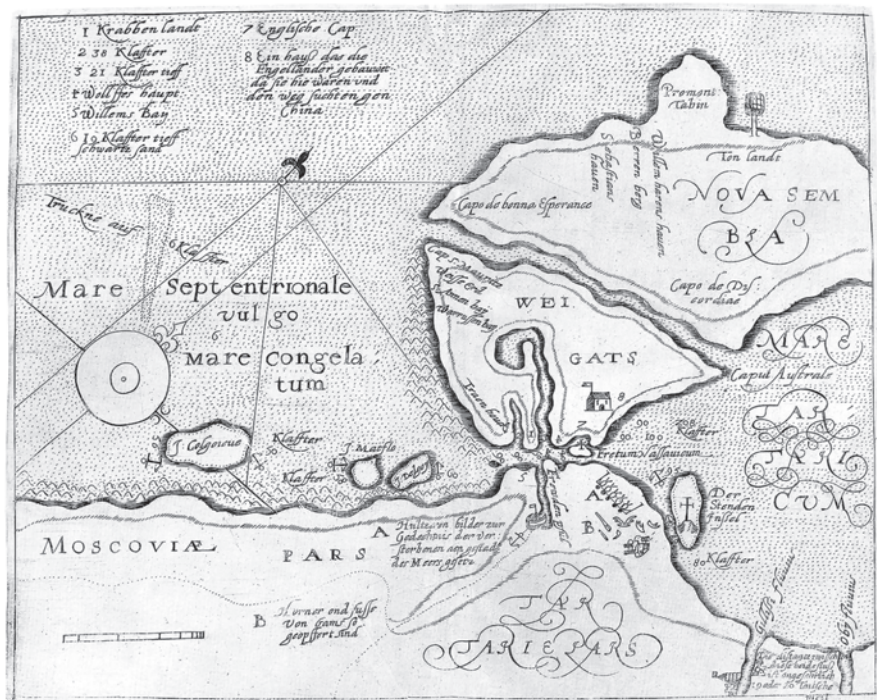
Конрад Лёв, разумеется, лишь составитель сборника, поэтому его личность и заслуги не имеют отношения к делу. Об авторе же анонимного сообщения можно сказать, что он был непосредственным участником экспедиции 1595 года и при этом находился именно на корабле Виллема Баренца. Корабль этот – *Gulden Winthont*, или «Золотая борзая», – был самым большим во флотилии из семи судов, и на нём, кроме собственно команды, находились пассажиры: купцы, ремесленники, городские депутаты – те, чье присутствие считалось необходимым для установления торговых отношений с далекими восточными странами. Впечатления человека, сведущего в навигации и мореплавании, автор сообщения не производит, ибо его суждения в этом деле поверхностны и путаны. Вместе с тем ему нельзя отказать в наблюдательности и в проницательности, когда речь касается человеческих отношений. В особенности его интересуют законы, обычаи и нравы северных народов, и он посвящает целые страницы их описанию. Кроме того, он настолько хорошо осведомлен о деталях переговоров, которые ведут нидерландцы с местными жителями, что К. П. Бургер предположил, что он являлся одним из переводчиков.

Анонимное сообщение раскрывает уникальные детали многих неприятных эпизодов, включая конфликты между руководителями экспедиции и случаи гибели людей. По-видимому, его автор не ощущал своей принадлежности к морскому цеху и искренне полагал, что императив «не выносить сор из избы» на него не распространяется. В отличие от него, Ян Хёйген ван Линсхотен и Геррит де Вейр в своих предназначенных для широкой публики отчетах обходили такие эпизоды молчанием или же ограничивались полунамёками. Поскольку по времени своего выхода в свет неизвестный нидерландский оригинал предшествует не только «Плаванию» Линсхотена (1601),

но и «Дневнику» де Вейра (май 1598 года), любые совпадения между ними прямо свидетельствуют о достоверности анонимного сообщения. В тех же случаях, когда событие, детально описанное анонимным автором, в более поздних отчетах упомянуто лишь вскользь, есть все основания полагать верными и детали.

Таким образом, анонимное сообщение в сборнике Конрада Лёва можно рассматривать в качестве третьего независимого источника сведений о плавании 1595 года, в дополнение к двум известным – де Вейра и Линсхотена.

Исключительно любопытна карта, приложенная к сборнику Конрада Лёва, которая может служить дополнительным свидетельством в пользу оригинальности анонимного сообщения. Это наивная кар-

Карта Новой Земли из сборника Meer oder Seehanen Buch. Cöln: Bertram Buchholtz, 1598. John Carter Brown Library

та, составленная явно непрофессионалом на основании случайно услышанных отрывочных сведений, радикальным образом отличается от карт Баренца и де Вейра. Достаточно обратить внимание на мыс Табин, который стал северной оконечностью Новой Земли! Будь эта карта частью мистификации, она бы непременно была более правдоподобной. Изображенная на ней виселица с повешенными нашла свое место и на карте в издании Хульсиуса.

Также интересно отметить, что гравюры Хульсиуса, основанные на анонимном сообщении, по своей информационной насыщенности и драматизму выгодно отличаются от более академических иллюстраций, использованных в амстердамских изданиях *Дневника*. Не случайно многие из позднейших издателей предпочитали использовать их в своих публикациях. Однако в сочетании с классическим текстом *Дневника* они оказываются лишенными своего контекста и при внимательном рассмотрении могут вызвать недоумение. Так, в московском издании 2011 года гравюра, изображающая столкновение судов 6 августа 1595 года, использована для иллюстрации плавания 1594 года и снабжена безобидной подписью «... но поднялся такой сильный западный ветер, что пришлось убрать марсели...» [Де Вейр, 2011. С. 38]. На гравюре между тем изображены два явно терпящих бедствие корабля, *Guilden Windehunde* и *Vice Admiral*, у первого из которых сломана мачта, четыре человека гибнут в волнах, а одного спасает яхта *Rotterdam*.

КАК ВОСКРЕСЕНЬЕ СТАЛО ВТОРНИКОМ

Среди религиозных праздников, которые зимовщики на Новой Земле отмечали «весельем», был канун Великого поста, 16 февраля. Геррит де Вейр писал: «мы немного повеселились среди наших тягот и горестей: каждый внес свой вклад в виде сбереженной порции вина, чтобы выпить за то, что зима идет на убыль». В нидерландском оригинале этот день назван словом *Vastelavont*, которое означает буквально «канун поста», но само по себе не привязано ни к какому определенному дню недели. Великий пост в западных церквах начинается в Пепельную среду (англ. *Ash Wednesday*), а предшествующий день – последний день карнавала – носит название Жирного вторника (англ. *Shrove Tuesday*, хотя, пожалуй, на слуху в большей степени

его французское название – *Mardi Gras*). Именно таким толкованием слова *Vastelavont*, по-видимому, руководствовался в 1609 году первый английский переводчик *Дневника* Уильям Филлип, решивший, что 16 февраля – это Жирный вторник. Вслед за У. Филлипом день этот называют вторником и другие комментаторы. Однако любой электронный календарь подскажет, что 16 февраля 1597 года было воскресеньем. В чём здесь дело?

Действительно, в соответствии с кальвинистскими традициями торжества и «веселье» можно было устраивать только по воскресеньям. Точное название последнего воскресенья перед постом – *Papenvastelavont*, что можно перевести как «папский канун». Смысл этого названия заключается в том, что священнослужителям полагалось начинать поститься на два дня раньше – в понедельник, а не в среду, – дабы они своим благочестивым примером удерживать паству от излишеств Жирного вторника. По-видимому, Геррит де Вейр или его издатель Корнелис Клас сочли, что в кальвинистском Амстердаме неуместно упоминать папу римского даже в столь нейтральном контексте, и сократили название праздника, чем ввели в заблуждение переводчиков и комментаторов.

ГДЕ ВИЛЛЕМ БАРЕНЦ СПРЯТАЛ СВОЮ ПРОЩАЛЬНУЮ ЗАПИСКУ

О событиях того дня, когда зимовщики покинули Благохранимый дом (13 июня 1597 года), де Вейр записал в «Дневнике»: Баренц заранее составил короткую записку («*een cleyn cedelken*» – в этом слове легко узнать русскую цидулю), вложил ее в «*een muskets mate*» и затем сам подвесил в дымоходе. Устаревшее и при том многозначное слово *mate*, по-видимому, вводило в заблуждение комментаторов, которые понимали его как «нечто сопутствующее мушкету».

В латинском переводе (1598) место хранения записки названо «огнестрельной мерой» (*sclopi mensura*), в английском (1609) – мушкетным зарядом (*a muskets charge*). С немецким переводом приключился курьез. В нюрнбергском издании 1598 года находим выражение «мушкетный орех» – *ein Muscet Nuß*. Орехом называлась деталь спускового механизма арбалета – барабан с выступами для курка и тетивы. Нелепость перевода бросалась в глаза: не только деталь эта отсутствует в затворе мушкета, но и записку в таком барабане спря-

тать негде. И уже в следующем немецком издании (1602) на его месте появляется «мускатный орех» – *ein Muscatnuß*. По-видимому, нюрнбергский редактор решил, что этот возжеленный предмет ост-индской торговли с его драгоценной оболочкой – идеальное место для сохранения послания!

В русских переводах «Дневника» де Вейра судьба контейнера, в котором хранилась записка, приняла другой оборот. В издании 1936 года он назван «мушкетным разрядом» со сноской: «В голландском оригинале “положил ее в мушкетный патрон”». В издании 2011 года – «мушкетный патрон». Встречается еще и «мушкетная гильза». Но вот только в XVI веке мушкеты были дульнозарядными: ни гильз, ни патронов в нашем сегодняшнем понимании еще не существовало.

Записку Баренца обнаружил в 1876 году англичанин Чарльз Гардинер. Передавая свою находку лейтенанту Колемансу Бейнену, Чарльз Гардинер надписал на пакете: «*Fragments of manuscript found in powder-horn,*» то есть «Фрагменты рукописи, найденные в пороховом рожке». Когда пакет попал в Морское министерство и Государственный архив, там прочитали: пороховой рог, или пороховница. Среди реликвий Благохранимого дома такой рог имелся, и всё сразу стало на свои места! В настоящее время этот пороховой рог находится в коллекции Национального музея в Амстердаме, и вплоть до сегодняшнего дня его сопровождает пояснительный текст: «Покидая зимовье, Баренц и ван Хеймскерк поместили прощальное письмо в пороховой рог. Три столе-

Пороховой рог, в котором якобы хранилась итоговая записка (апология) Виллема Баренца и Якоба ван Хеймскерка. Rijksmuseum, Amsterdam (шифр хранения: NG-NM-7764)

тия спустя рог был обнаружен вместе с находившимся в нём письмом. Выставить письмо не представляется возможным ввиду его ветхости».

Казалось бы – записка, или апология, Виллема Баренца и Якоба ван Хеймскерка, найденная на месте зимовки, должна была поставить точку в спорах о достоверности «Дневника» Геррита де Вейра, ведь ключевые даты обоих документов полностью совпали! Однако этого не произошло. Выходило, что де Вейр либо не видел, куда Баренц положил записку, и эпизод выдумал, либо не знал, как правильно назвать пороховницу. Столь очевидную предвзятость несложно объяснить: в 1870-е годы, когда записка Баренца было найдена и прочитана, за де Вейром тянулась репутация легковесного сочинителя историй о путешествиях.

Заряжание кремневого мушкета в XVI веке было трудоемким делом и состояло из ряда действий, которые нужно было выполнить в строгой последовательности. Порох, пули и пыжи хранились отдель-

Солдат с мушкетом и открытой пороховой мерой (kruitmaat). Якоб де Гейн. Ок. 1597–1608. Rijksmuseum, Amsterdam. PD

Стрельцы в 1613 году. Иллюстрация 106 из книги «Историческое описание одежды и вооружения российских войск» под редакцией А. В. Висковатова, Том 1. СПб, 1841

Мерные пороховые рожки из новоземельской коллекции Национального музея в Амстердаме. Слева – рожок в кожаной оболочке (шифр хранения: NG-NM-7708-2); справа – рожок без оболочки и без доннышка, что позволяет понять, как он был сделан (шифр хранения: NG-NM-7765-1-2)

но друг от друга. Объём порохового заряда, засыпаемого в ствол, необходимо было тщательно отмерять, ибо просчет мог привести либо к неэффективному выстрелу, либо к разрыву ствола с печальными последствиями для незадачливого мушкетера. Полагаться на безошибочность действий в боевой обстановке было бы опрометчиво. Поэтому стрелок использовал индивидуальные пороховые заряды, которые сам отмеривал заранее и помещал в специальные контейнеры, которые в зависимости от материала и формы можно было назвать зарядными пеналами, трубками, стаканчиками, мешочками и проч.

Около дюжины таких контейнеров крепилось на шнурах к перевязи стрелка-мушкетера.

Использование мерных пороховых зарядов не ограничивалось Западной Европой. Так, в Московском государстве в снаряжение стрельца (он же – мушкетер) входила перевязь-берендейка, к которой крепились зарядцы – деревянные мерные пеналы с заранее отмеренным количеством пороха, рассчитанным на один выстрел.

Одно из значений староголландского слова *mate* – мера. В современном нидерландском языке ему соответствует слово *maat*. Выражение, употребленное де Вейром: *in een muskets mate* – относится именно к такому мерному пороховому контейнеру. Пороховые зарядцы, применявшиеся зимовщиками на Новой Земле, изготавливались из листовой латуни и обтягивались кожей. Они имеют характерную ко-

ническую форму, как хорошо видно на примере экспонатов того же Национального музея. Как охотник, Чарльз Гардинер догадался о назначении предмета, в котором им была найдена записка, и употребил наиболее подходящее выражение, отвечающее его форме – пороховой рожок, или, по-английски, powder-horn.

Любопытно, что в каталоге коллекции Национального музея в Амстердаме такие мерные пороховые рожки названы общим термином musketmaat, что с поправкой на 400 лет эволюции языка полностью соответствует слову, употребленному автором *Дневника*. Геррит де Вейр был точен – как всегда!

ЛЕЙТЕНАНТ ФЛОТА Л. Р. КОЛЕМАНС БЕЙНЕН И ЯХТСМЕН ЧАРЛЬЗ ГАРДИНЕР

Кроме моряков XVI века и исследователей века XX, у книги, которую вы держите в руках, есть еще целый пласт героев – те, кто шел по следам Баренца в XIX веке. Среди них есть яркие неординарные личности, о которых нам не стоит забывать.

Лауренс Рейнхарт Колеманс Бейнен (1852–1879) прожил короткую и яркую жизнь, прославившись в первую очередь как страстный сторонник возвращения Нидерландов в арктические моря. Младший сын фармацевта из Гааги (два его брата стали генералами), в 19 лет получил звание мичмана, в 22 – лейтенанта флота. Участвовал в двух арктических плаваниях на борту английской яхты Pandora (1875–1876). В возрасте 24 лет выполнил работу, которую принято считать уделом убежденных седидами ученых мужей, – редактировал 2-е английское аннотированное издание «Дневника» де Вейра, вышедшее в свет после открытий Карлсена, Гундерсена и Гардинера. Умер в возрасте 27 лет в Индонезии, когда нестерпимые боли – результат обострившейся в тропическом климате хронической болезни – привели к самоубийству.

Его 260-страничная биография вышла 19 изданиями на нидерландском и английском языках (1880–1918). Имя Л. Р. Колеманса Бейнена последовательно носили несколько кораблей, последний, пятый из которых получил его в 1964 году.

Чарльз Гардинер, в 1876 году изменивший под обаянием личности Колеманса Бейнена свои планы и отправившийся на Новую Землю, где среди других важнейших свидетельств обнаружил записку Ба-

Л. Р. Колеманс Бейнен

Траулер «Л. Р. Колеманс Бейнен» в море. 1964–1979

ренца и Хеймскерка, писал ему по возвращении: «Я не могу выразить словами, насколько я обязан Вам за тот интерес, который Вы явили к реликвиям Баренца, и за Ваше согласие позаботиться о них. Если Ваши соотечественники готовы их принять, я сочту за великую честь и буду лишь безмерно гордиться тем, что в моих силах было сделать им этот дар» [De Jonge 1877: 39].

Сам Чарльз Лоренс Вир Гардинер (1849–1925) был состоятельным молодым человеком, унаследовавшим значительные земли в Южном Оксфордшире, который вел «холостяцкий образ жизни» в поместье на берегу Темзы (впоследствии превращенном в яхт-клуб). Яхта *Glowworm* была построена по его заказу в 1876 году на верфях Day & Summers в Нортэме и предназначалась для «развлекательных круизов». Встреча с Колемансом Бейненом стала судьбоносной. Плавание на Новую Землю оказалось его первым и единственным таким круизом. Навсегда вписав свое имя в историю полярных исследований, он в 1878 году продал *Glowworm*, а в 1891 году женился и переехал в Девоншир, где прожил до конца своих дней на берегу моря, но в морских экспедициях более участия не принимал.

БЛАГОДАРНОСТИ

Завершая редакторское вступление, я бы хотел выразить свою искреннюю благодарность и глубокую признательность всем тем занятым и прежде незнакомым мне людям, которые с готовностью откликнулись на мои просьбы помочь разобраться с тем или иным вопросом, возникшим в процессе редактирования книги. Среди них – Джордж Маат (Лейден), Елена Шамильевна Галимова (Архангельск), Петр Владимирович Боярский (Москва), Эрки Таммиксаар (Тарту), Эндрю Янг (Сан-Диего), Мила Зинкова (Сан-Франциско), Йоррит-Ян Верлаан (Утрехт). Моя особая благодарность и низкий поклон Марии Смольяниновой за предоставленные тексты оригинальных отчетов Дмитрия Федоровича Кравченко.

Денис Хотимский

От автора

Это книга о людях, которые живут мыслями о Виллеме Баренце и отправляются по его стопам на Новую Землю в завершающем десятилетии XX века, как только Российская Арктика становится открытой для иностранцев.

Через 400 лет после исторических арктических плаваний нидерландцы вернулись на место, где зимовали их соотечественники. Для всех нас, чье детство и юность пришлось на эпоху холодной войны, Новая Земля находилась словно на другой планете. Лежащий за непроходимыми многолетними льдами, а позже накрепко закрытый железным занавесом, архипелаг оставался недостижимым на протяжении многих поколений. Но мир изменился быстро и неожиданно. Вместе с нашими вновь обретенными русскими друзьями нидерландские исследователи и искатели приключений изучали останки зимовья и занимались поисками судна и могил нидерландских первопроходцев. Двадцать пять лет спустя, листая наши старые экспедиционные журналы, мы видим, что они удивительным образом отражают дух того времени: нашу радость от узнавания этой необыкновенной земли и от встречи друг с другом.

История девятимесячной зимовки на Новой Земле приобретает новое значение в XXI веке. С наступлением глобального потепления снег и лед постепенно отступают, и тайна, покрывавшая эти места до недавнего времени, рассеивается. Мы застали исчезающий пейзаж: руины полярных станций, на поддержание которых в рабочем состоянии на протяжении десятилетий шли огромные усилия и которые теперь быстро разрушаются под воздействием стихий. То тут, то там на

заднем плане присутствует Баренц – своим отражением в разводьях между льдинами или же тенью на истлевших бревнах зимовья.

Виллем Баренц, опытный мореплаватель и картограф, которому между 1594 и 1597 годами не было и сорока, хотел показать, что на вершине мира есть открытый океан или, по крайней мере, проход под полуночным солнцем. Он добился своей цели, нанеся на карту Новую Землю и Шпицберген и убедившись в наличии океанских глубин между ними. Семнадцать человек оказались выброшенными на берег этого ледовитого моря. Исследователи былых времен ступили в мир, полный чудес, задолго до того, как арктические поиски превратились в противоборство с природой. Судьба не застигла их врасплох: их экспедиция стала первым примером успешной зимовки европейцев в высоких арктических широтах. Север в их глазах был столь же чужд и непонятен, как «Затерянный мир» – фантазия, родившаяся много лет спустя. Новая Земля была диким, необитаемым местом на границе между атлантическими штормами и арктическим паковым льдом. Прилегающий к ней с юга Вайгач – безмолвный, окутанный туманами, с сакральными местами северных кочевников. Отчеты нидерландских мореплавателей – дневники, составленные Герритом де Вейром и Яном Хёйгеном ван Линсхотеном, – ничуть не утратили своей выразительности и сегодня. Столетия спустя мы словно бы идем рядом с ними, когда они впервые встречаются с «самоедами» или упорно продвигаются вперед сквозь ледяные поля. Находясь в безопасности, мы отслеживаем передвижения выживших участников зимовки от одного залива к другому по нашим спутниковым картам, в то время как они шли через бурные моря и неизведанные земли.

Наши полярные дневники были написаны на исходе XX века, но мы испытывали то же искреннее удивление, которое чувствуется на каждой странице в отчетах первых исследователей. Всё то, что в наши дни определяет скорость и удобство арктических путешествий: современные стальные суда ледового класса, оснащенные мощными дизельными и ядерными двигателями, современные вертолеты и сетевые электронные карты, – бесконечно далеко от того первого прыжка в неизведанное. Наши сегодняшние экспедиции кратковременны – у нас обычно не хватает средств, да и нет времени, чтобы надолго останавливаться в одном месте. В 2021 году последствия ускоряющегося изменения климата и таяния полярных льдов ощущаются по все-

му миру. Природа оказалась побеждена и подчинена, как и предсказывал Йост ван ден Вондел в 1613 году в своей поэме, которую мы здесь приводим. Беспрецедентный переход через ледяные поля и коварные проливы, который совершил Валериан Альбанов в 1914 году, руководствуясь книгой Фридьофа Нансена, сегодня сочли бы разве что экстремальным спортом. Это также книга об Арктике и о том, что чувствует человек, попадая туда. Мы не просто следовали за Баренцем, а стремились заново пережить его классические путешествия, восстанавливая те величественные детали, которые будоражили воображение людей на протяжении столетий.

*Япьян Зеберг
Наймеген, 31 января 2021 года*

В ледовитое море!

Утром 3 марта 1991 года, когда зима поливала последними холодными дождями насквозь промокшую голландскую землю, Дмитрий Кравченко прибыл в Амстердам. Больше 10 лет все мысли Кравченко, сухопарого, седобородого человека с впалыми щеками, занимала сцена из прошлого, возникшая перед его глазами на далеком, запорошенном снегом арктическом острове. Он был человеком цели – историком и искателем приключений. Теперь он направлялся в Рейксмузеум, расположенный в самом центре города. В небольшом чемоданчике он вез план – довершить задуманное Виллемом Баренцем плавание вокруг Евразийского континента. Кравченко рассчитывал, что в Нидерландах его репутация полярного исследователя и специалиста по зимовке Баренца откроет перед ним множество дверей и позволит получить доступ к щедрому финансированию. Уверенный в успехе, он оказался перед входом в музей и теперь, стоя среди заезжих гостей в очереди за билетами, тщательно подбирал английские слова.

– Мне нужно встретиться со специалистом по Баренцу доктором Браатом, – объявил Кравченко, сделав несколько решительных шагов к билетной стойке.

– Здравствуйте, сэр! Это вход в музей, – ответила женщина через окошко в толстом стекле. – Может быть, вы хотите купить билет?

– У меня 20-летний опыт исследований в Арктике, – невозмутимо продолжал Кравченко. – Мы соорудили 6-метровый крест

и сложили пирамиду из камней на том месте, где стоял зимовочный дом, в честь Баренца и его людей. Этот знак также должен послужить предупреждением: это историческое место, оно находится под охраной!

Служащая за стеклом вежливо кивнула (в те времена люди были терпимее, чем сейчас) и знаком подозвала сотрудника службы безопасности. Кравченко попросил подошедшего музейного охранника устроить ему встречу с Йостом Браатом, куратором и архивистом отдела истории Нидерландов. За последние 12 лет они несколько раз встречались в Москве, и теперь Кравченко вернулся с новым планом. Охранник, однако, объяснил Кравченко, что тот пришел не по адресу: офисы и архивы располагались в другом здании, на противоположной стороне улицы.

– Простите, сэръ, но вы задерживаете очередь, – сказал он ему. – Пожалуйста, отойдите в сторону.

Кравченко поколебался и затем, добавив пару фраз по-русски, вышел через вращающуюся дверь на улицу.

– Невелика беда, – бормотал он, шагая прочь от внушительного здания, построенного в XIX веке. Перейдя улицу, он подошел к ничем не примечательному дому и, найдя на дверях медную табличку с надписью «Рейксмузеум», позвонил. Раздался сигнал, и дверь распахнулась. За дверью его снова встретили сотрудники службы безопасности. Но несколько минут спустя он увидел знакомое лицо. Наконец-то Кравченко мог вздохнуть с облегчением – он нашел Йоста Браата.

В 1974 году Йост Браат убедил правительство Нидерландов обратиться с дипломатическим запросом к Советскому Союзу, предложив совместный проект по сохранению остатков зимовья Виллема Баренца – Благохранимого дома. В годы холодной войны такие усилия требовали хороших личных связей. Браат, который в то время был убежденным членом Нидерландской коммунистической партии, ранее встречался с Михаилом Беловым*, заведующим отделом в Арктическом и антарктическом научно-исследо-

* Михаил Иванович Белов (1916–1981) – историк, специалист в области истории географических исследований Арктики и Сибири, автор множества научных работ, в том числе фундаментального четырехтомного труда «История открытия и освоения Северного морского пути» (1956–1969).

вательском институте (ААНИИ). Браат сразу же поинтересовался у него, что в действительности сохранилось от Благохранимого дома. «Ничего... – последовал ответ. – Там ничего не осталось». Тем не менее в 1977 году Белов организовал для Дмитрия Кравченко возможность посетить север Новой Земли и уточнить ответ на вопрос Браата. В тот год суровые погодные условия вынудили Кравченко вернуться в Архангельск раньше, чем планировалось, но двумя годами позже удача ему улыбнулась. Между 2 и 6 августа 1979 года, а затем в 1980-м Кравченко сумел найти и зарисовать остатки бревенчатого дома и еще около 130 объектов: куски кожи, черепки, железные гвозди, инструменты, оружие и одежду [Kravchenko 1983, Floore 1998]. В лежавшем на берегу большом, 4-метровом фрагменте борта корабля, ранее описанном Э. Карлсеном в 1871 [Koolemans-Beijnen 1876] и Б. В. Милорадовичем в 1933 [Милорадович 1934] годах, были обнаружены кованые гвозди, идентичные тем, что использовались при строительстве зимовья. На северной оконечности Новой Земли Кравченко нашел несколько сложенных из камней пирамид – гуриев, – а также вкопанный в землю деревянный столб с отчетливо читавшимися на нём буквами BAR. Как только информация об этих находках достигла Нидерландов, местные газеты вышли с заголовками «Могилы Виллема Баренца обнаружены на Новой Земле» (Telegraaf 25-8-1979, NRC Handelsblad 10-9-1979) и «Русские энтузиасты нашли корабль Баренца» (NRC Handelsblad 13-9-1979). Настойчивость Браата себя оправдала: местность вокруг Благохранимого дома до сих пор была усеяна различными предметами, погруженными в толстый слой мха. «Находки сыпались одна за другой как из рога изобилия, словно бы сама Фортуна решила присоединиться к экспедиции», – писал Кравченко о своем первом обследовании объекта [Kravchenko 1981, 16]. 18 октября 1980 г. по советскому телевидению показали его документальный фильм «В поисках сокровищ». Всё еще под впечатлением от зимовки, Кравченко начал готовиться к своему самому экстремальному эксперименту: в честь Баренца он планировал пройти на двух небольших судах Северным морским путем.

«Мы планируем выйти из Амстердама в конце мая, – взволнованно объяснял Кравченко, сидя перед столом Браата. – Первая

половина плавания проходит мимо Северной Европы и Советского Союза по направлению к Японии, куда мы прибудем в ноябре. В 1992 году мы вернемся через Аляску, Канаду, Гренландию и Исландию. Если вы захотите, мы можем организовать остановку на Новой Земле, чтобы вы могли изучить место зимовки Баренца». Браат, улыбаясь, объяснил, что нидерландское исследование – это чисто бумажный проект: очистка и описание предметов, найденных на зимовке, и их подготовка для экспозиции. Для предприятия, которое задумал Кравченко, нужно найти людей, которые уже участвовали в подобных плаваниях. В любом случае Рейксмузеум не то место, где можно найти экипаж для подобных судов. Не зная, как отделаться от настойчивого русского, Браат позвонил Хенку ван Вейну, бывшему производителю мотоциклов и спонсору археологических экспедиций, проводивших раскопки китобойных станций на Шпицбергене 10 годами ранее. Хенк ван Вейн посоветовал Кравченко посетить Мореходную школу в Энкхаузене, где, возможно, удастся найти экипаж и какое-то снаряжение для осуществления его планов. Поскольку Кравченко утверждает, что берёт на себя все расходы, добровольцы для его проекта обязательно найдутся. И его поездку в Нидерланды можно будет считать успешной.

На следующий день Кравченко сел в поезд и поехал в Энкхаузен, древний город моряков, расположенный в 50 километрах к северо-востоку от Амстердама, где у него состоялась встреча с директором школы. «В этом году мы впервые получили разрешение провести иностранцев Северным морским путем, – сказал Кравченко. – Мы определенно хотели бы, чтобы экипаж был из Нидерландов, как и сам Баренц». В результате перестройки Советский Союз начал постепенно смягчать ограничения, действовавшие в Арктике. Советский лидер Горбачев заявил в Мурманске, что Северный морской путь будет открыт для прохода иностранных кораблей с мирными и коммерческими целями [Brigham 1991]. Северный морской путь пересекает пять различных морей, каждое со своими собственными сроками навигации. Самое непредсказуемое, с большими полями многолетнего льда, – это Карское море, ширина которого составляет 1700 километров. Оно представляет собой коварную ледяную ловушку: его открытая поверх-

ность может замерзнуть в мгновение ока, если ветер поменяет свое направление.

Мореходная школа сочла предложение Кравченко редкой возможностью для курсантов приобрести практический опыт в самых суровых условиях, какие только можно себе представить. При этом участие в проекте сулило им неопределимую пользу, не в последнюю очередь – получение профессиональной оценки перспектив транспортной навигации по этому маршруту в обозримом будущем. Директор остановил свой выбор на двух курсантах: Франс Херес, 33 лет, Мориц Грун, 28 лет, – и в присутствии Кравченко позвонил им. Вскоре после этого Кравченко стоял на пороге дома Франса Хереса.

«А что, если нас зажмет во льдах?» – спросил Франс Херес. «Тогда пойдем пешком», – ответил Кравченко. «Отлично, тогда я согласен». Франсу не требовалось времени на раздумья, и Кравченко вручил ему билет на самолет до Москвы. Потом Кравченко поехал в Вейк-ан-Зее и там, в городке, окруженном дымовыми трубами металлургического завода, встретился с родителями Морица Груна. «Я понимаю, вы беспокоитесь за своего сына, – осторожно начал он. – Ему предстоит опасное плавание на необычном корабле с неизвестным капитаном. Но я сделаю всё от меня зависящее, чтобы вернуть его вам живым и здоровым. Я требую много от своей команды, но от себя я требую еще больше».

Три месяца спустя, в конце июня 1991 года, Франс и Мориц стояли в мурманских доках, недоверчиво разглядывая два судна, на которых им предстояло отправиться в арктические моря старшими помощниками капитанов. «Аспол» (Мориц Грун) и «Виллем Баренц» (Франс Херес) оказались спускаемыми спасательными катерами, вроде тех что используются на больших судах. Эти катера с двойными стенками из полиэстера – 10 метров в длину, абсолютно водонепроницаемые и выкрашенные в ярко-оранжевый цвет, каждый с экипажем из шести человек, – должны были стать им домом на несколько месяцев. За несколько дней они оборудовали катера радарными, глубиномерами и приборами спутниковой навигации из Нидерландов. Залив в баки 700 литров дизельного топлива, которого должно было хватить на неделю плавания, они отчалили в последний день июня. Кравченко оставил инструкции

забрать его и остальных членов экипажа в Нарьян-Маре – небольшом портовом городе в устье реки Печоры, до которого оставалось три дня пути на восток. Так началось их захватывающее приключение.

Через Карские Ворота

3 июля 1991 года

«Аспол» и «Виллем Баренц» ловко маневрировали в лабиринте островов, которые составляют дельту реки Печоры. «Это весело!» – передал по радиации Мориц из рубки «Аспола». «Еще как весело!» – откликнулся Франс, который управлял «Виллемом Баренцем».

«Такими темпами мы к полудню будем в Нарьян-Маре», – ответил Франс. Среди песчаных берегов и отмелей, так похожих на побережье Северного моря, курсанты Энкхаузенской мореходной школы чувствовали себя как дома. Они затаили все отверстия в стенах ходовой рубки брезентом, чтобы не пустить внутрь злобных северных комаров. При закрытом переднем люке под палубой было тепло и влажно. Катера обошли вокруг песчаных отмелей, взбаламутив болотистую прибрежную полосу, поросшую тростником. Было 3 часа утра, и солнце поднялось над уровнем горизонта на высоту ладони.

ИЗ ДНЕВНИКОВ ФРАНСА ХЕРЕСА [Ф. Х.] И МОРИЦА ГРУНА [М. Г.]

4 июля 1991 года

[Ф. х.] «Мы будем плыть, пока не уткнемся в сплошной лед», – сказал Дмитрий журналисту. Дмитрий [Кравченко], должно быть, очень влиятельный человек, если ему удалось получить для нас допуск в закрытую Советскую Арктику. По пути из Мурманска в Нарьян-Мар мы испытали наше оборудование. За четыре с половиной дня плавания с нами произошли все возможные неприятности: масло внезапно вылилось из двигателя, и нас стало сносить по течению. «Аспол» ничего не за-

метил и уплыл вперед приблизительно на 5 километров. Связаться с ними по радио не удалось, а они даже не удосужились оглянуться. Особой угрозы не было, поэтому мы не стали подавать сигналы из ракетницы. Мы бросили якорь на глубине 10 метров и своими силами остановили утечку масла. Русские, которые нас снабжали, не имели ни малейшего представления о дегазации дизельного топлива. В Нарьян-Маре я немного повозился с мотором. К счастью, вся справочная документация была у меня с собой. Я читал, что Дмитрий хочет, чтобы наше плавание проходило в условиях, похожих на те, в которых оказался Баренц. Что ж, наша стальная пила была такая старая и ржавая, что вполне могла принадлежать кому-то из его спутников. Перед отплытием я на скорую руку отскреб палубу, чтобы удалить остатки дизельного топлива. Невероятно! Они просто проходят мимо, как будто их это не касается. Палуба неимоверно скользкая. Запасись продуктами тоже непросто, потому что всё выдается строго по нормам. Деньги не имеют ценности в России: сигареты – вот настоящая валюта. За шесть пачек можно получить килограмм лосося, а за двенадцать пачек – бутылку 95-процентного спирта. Нарьян-Мар – столица тундры. Город расположен в обширной болотистой местности и живет торговлей древесиной, углем, пушниной, рыбой, оленями и нефтью. Прямо на улицах стоят прилавки с товарами, главным образом помидорами, колбасой, одеждой и обувью. В городе почти нет развлечений. Я купил четыре шкуры северного оленя (они мягкие и теплые – на них очень удобно спать), а также кофе, мед и кетчуп. К настоящему моменту суда загружены почти под завязку, но вот только у «Аспола» крен на левый борт.

Экспедиция покинула Нарьян-Мар 15 июля. Вскоре после полуночи они вышли из речного устья в открытое море. «Первое, что мы увидели, была косатка, игравшая с корягой. Надо внимательно следить за плавником», – записал в дневнике Франс. На следующее утро суда встретили первый лед: глыбу длиной около 10 метров. «Восхитительного голубого цвета», – написал Мориц, чувствуя, как душа уходит в пятки при виде массивной ледяной громадины, и втайне желая повернуть назад.

«Шкипер Валера показал жестами, что лед здесь – нормальное дело и он насмотрелся на него вдоволь – по горло», – писал Франс.